

М. Белевская

**Ставка Верховного
главнокомандующего в
Могилеве, 1915-1918**

Личные воспоминания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Белевская**
Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве, 1915-1918: Личные воспоминания / М. Белевская – М.: Книга по Требованию, 2023. – 48 с.

ISBN 978-5-517-97573-7

ISBN 978-5-517-97573-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

*Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы...*

Лермонтов.

От автора.

Я жила в Могилеве во время войны и в первые годы Революции.

Я видела людей и наблюдала внешнюю сторону событий, имевших роковое значение в судьбу России.

Я не захожу в оцѣнку внутренняго смысла событий, не сужу об их политическом значеніи и ограничиваюсь только тѣм, что видела и слышала сама.

То, о чем я пишу, является мелкими штрихами, бѣглыми силуэтами, но так как все это относится ко времени исключительному, котораго Россія никогда не забудет, к событіям, в которых каждая мелочная черточка важна, я рѣшаюсь опубликовать мои воспоминанія.

Позволяю себѣ думать, что бытовая сторона событий, так как она проявлялась и воспринималась в будничной жизни провинціального обывателя все же может представить нѣкоторый интерес.

Предсказаніе.

Настанет год, Россіи черный год,
Когда царей корона упадет,
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда дѣтей, когда невинных жен
Низвергнутый не защити закон;
Когда чума от смрадных мертвых тѣл
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать;
И станет глад сей бѣдный край терзать;
И зарево окрасит волны рѣк.

В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь, — и поймешь,
Зачѣм в рукѣ его булатный нож.
И горе для тебя! Твой плач, твой стон;
Ему тогда покажется смѣшон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

Лермонтов.

1830 год.

Могилев до войны.

До войны Могилев ничѣм не был замѣчателен и ничѣм не выдѣлялся из ряда многочисленных русских губернских городов.

Он уютно и живописно расположился на высоком правом берегу Днѣпра, широко раскинув по низкому луговому лѣвому берегу свое предмѣстье с очень неблагозвучным названіем „Луполово“, об'яснявшимся тѣм, что большинство населенія занималось кожевенным промыслом.

Двѣ главных улицы параллельными линиями пересѣкали город и упирались, как водится, в небольшую площадь, на которой находился двухэтажный губернаторскій дом, окружной суд и другія присутственныя мѣста, так сказать, мозг и сердце цѣлой губерніи.

Там же возвышалась старинная круглая башня-ратуша, воспоминаніе о старинѣ глубокой, свидѣтельница долгих и упорных споров между Россіей и Польшей, дававшая пріют на своем фронтѣ уставшим от боя и празднующим побѣду, то польскому бѣлому орлу, то двуглавному, русскому.

В концѣ площади был расположен городской сад, называвшійся „Валом“, с широкими тѣнистыми аллеями и очень красивым видом на Днѣпр. По праздникам на „Валу“ устраивались гулянья. Играл военный оркестр. Аллеи заполнялись публикой. В обыкновенные дни было тихо, торжественно и красиво. У входа стояла арка, на которой крупными буквами было написано: „Добро пожаловать“, а с обратной стороны: „Вернитесь, погуляйте еще!“

Ни фабрик, ни заводов, ни крупной торговли в Могилевѣ не было, он имѣл значеніе исключительно как административный центр.

Зимой давались три бала — студенческой, польской и судейской. К ним долго готовились и о них долго вспоминали.

Объявление войны всколыхнуло Могилев, как и всю Россию, но значительно не изменило обычное течение его жизни. Так же чиновники ходили утром на службу, а вечером играли в карты, так же сплетничали кумушки, так же важный полицмейстер ѣздил на парѣ лошадей и наводил порядок.

Первыми ласточками войны были ковенские евреи. Неожиданно весь Могилев наводнился многочисленными повозками, наполненными домашним скарбом, пуховиками и подушками, из которых выглядывали испуганные физиономии стариков, старух и дѣтей. Зрѣлище было невиданное и каждый останавливался и с удивлением смотрѣл на эту безконечную процессию. Запрудив всю улицу от вокзала до Собора, повозки остановились и евреи начали слѣзать с телѣг, пугливо озираясь по сторонам. К ним подошли, начали спрашивать. Оказалось, что это евреи из Ковно, выселенные в трехдневный срок из крѣпости, по приказу начальства, как элемент мало надежный и опасный. Возражать не рекомендовалось. Надо было немедленно складывать пожитки и ѣхать в неизвѣстном направлении. По дорогѣ им приказано было ѣхать в Могилев и жить там до конца войны.

За время длиннаго и тяжелаго переѣзда фронт передвинулся и Ставка должна была быть переведена из Баранович в Могилев.

О присутствіи в Ставкѣ столь опасных бѣженцев не могло быть и рѣчи.

Как только всѣ эти измученные долгим переѣздом люди пріѣхали к мѣсту назначенія, им было приказано в 24 часа выѣхать из Могилева и ѣхать не то в Тамбов, не то в Пензу. Тут нервы этих людей не выдержали, — они начали вопить, воздѣвая руки к небу.

Но их некому было слушать.

Образовавшийся комитет из еврейской интеллигенціи испугался за собственную судьбу: — „Сегодня они, а завтра мы”.

Им собрали на дорогу какіе то гроши и уже утром в Могилевѣ их не было.

Длинный переѣзд из Ковна до Могилева поглотил всѣ их средства и неизвѣстно, как они добрались до назначеннаго пункта.

Второе зрѣлище было еще трагичнѣе.

Первые были люди, они могли что то продать, кого то попросить, кому то что то об'яснить; вторая же партія, наводнившая всѣ окрестности Могилева,— была безгласна. Их жалобы никто не слышал. И они умирали голодной смертью без криков и проклятій.

Это был скот из Польши. По приказу свѣше весь польскій скот, чтобы не попасть в руки врага, был эвакуирован вглубь Россіи.

Предусмотрѣно было все, за исключеніем фуража.

Тысячи коров и лошадей падали по дорогѣ.

Подвоз фуража к мѣсту их стоянок не был организован, и они шли, шли, еле передвигая ноги.

К Могилеву подошло стадо скелетов, обтянутых кожей, издыхающее и наводящее ужас. Был издан приказ распредѣлить скот по усадьбам помѣщиков и крестьян, но никто не хотѣл брать больного и зараженнаго скота. Тѣ, кто из жалости его брали, давали пріют на нѣсколько дней, пока измученное животное не издыхало.

Предсѣдателем комиссіи по устройству скота был назначен управляющій государственными имуществами Л. М. Чанцев. Он был хорошій, честный человек, но не чудотворец. Спасти агонирующее стадо он не мог и тысячи туш разлагались по дорогам, заражая воздух зловоніем.

Эти, вторые бѣженцы, уже наглядно показали, что гдѣ то не все благополучно, что при таких порядках ждать скорой побѣды не приходится.

Вскорѣ появились и дѣйствительныя жертвы войны — раненые. Их несли на носилках с вокзала блѣдных, умирающих и могилевцы с отчаяніем слушали их стоны. Война дошла и до Могилева и заставила добраго стараго обывателя снять розовые очки и посмотрѣть на происходящія событія болѣе серьезно. Образовались комитеты помощи раненым, дамы надѣли косынки сестер милосердія, у губернаторши, г-жи Пильц, начали шить бѣлье и снаряжать лазареты.

Пріѣзд Ставки всѣх всколыхнул.

Тихій маленькій Могилев становился центром

войны, в нем должны были разрѣшаться важнѣйшіе вопросы и могилевскій обыватель понял, что он неожиданно попал в свидѣтели міровых событій, начал приглядываться к лицам, от которых зависѣла жизнь миллионов людей на фронтѣ и существованіе всей націи.

Могилевскія улицы наводнились автомобилями Ставки, тротуары наполнились офицерами штабов и военных канцелярій, гостиницы и частныя квартиры были заняты для иностранных представителей союзных держав и высших представителей военного міра. Маленькій провинціальный городок, как по мановенію волшебнаго жезла, измѣнил свой облик. Он стал вооруженным лагерем, шумным и дѣловым. Каждый обыватель с трепетом смотрѣл на окна б. губернаторскаго дома, гдѣ жил Верховный Главнокомандующій и откуда исходили приказы, которым безпрекословно подчинялись миллионы людей.

Главнокомандующіе мѣнялись—их было много — Николай Николаевич, Государь, ген. Алексѣев, ген. Духонин, Керенскій, Крыленко — обыватель был все тот же.

Он тихо сидѣл в своей квартирѣ и уголком глаза наблюдал за событіями.

Ставка Верховнаго Главного-командующаго.

Однѣ прїѣзда главнокомандующаго в. к. Николая Николаевича никто не знал, но его присутствіе в Могилевѣ всѣми почувствовалось.

В городѣ стало торжественно и тихо.

Чувствовалось дѣловое напряженіе в Ставкѣ и это передавалось обывателям. Никто не запрещал ходить мимо дома, гдѣ жил Николай Николаевич, но как будто по какому то сговору всѣ старались обходить этот дом и около окон Главногокомандующаго не появляться. Всѣми чувствовалась та отвѣтственная и громадная работа, которая там шла и каждый старался насколько мог, если не помочь, то облегчить эту работу. В Ставку входили только лица имѣющія к ней отношеніе, и к этим людям чувствовалось какое то невольное уваженіе.

Каждый обыватель понимал, что малѣйшая ошибка там — смерть Россіи, понимал и заботливо оберегал покой Главногокомандующаго. Идя по улицѣ, из которой был виден бѣлый дом Ставки, каждый старался не смотрѣть на него и не проявлять празднаго любопытства.

И только ночью, с берега Днѣпра, откуда видны были освѣщенныя окна ставочнаго дома, обыватель смотрѣл на них с благоговеніем, глубоко вѣря, что, несмотря на тревожныя свѣдѣнія с фронта, ему, Главногокомандующему, удастся справиться и что Россія выйдет и должна выйти побѣдительницею.

О суровости характера Николая Николаевича всѣ знали. Знали, что он требователен и груб с офицерами, не считается ни с чином, ни с званіем, но каждый понимал, что так должно быть, особенно во время войны, когда слабость Главногокомандующаго могла погубить все дѣло. Николай Николаевич почти

не появлялся в городъ и за все время его пробыванія в Могилевѣ, мнѣ удалось только один раз его увидѣть и воочию убѣдиться, что Николай Николаевич шутить не любит.

Незадолго до этого был издан приказ Попечителем Краснаго Креста принцем Ольденбургским, что офицеры не могут появляться на улицѣ и в общественных мѣстах вмѣстѣ с сестрами милосердія. Повидимому жизнь на фронтѣ диктовала столь странное рѣшеніе и к Могилеву в тѣ времена этот приказ мог и не относиться. Лазаретов было мало, сестры, мѣстныя дамы, во времена пребыванія в Ставкѣ великн. Николая Николаевича, никаких знакомств с офицерами не вели.

Но как то раз немолодой полковник, возвратившійся с фронта вмѣстѣ со своей женой, сестрой милосердія, ѣхал на извозчикѣ по главной улицѣ города.

В это время незамѣтно выплыл с площади автомобиль главнокомандующаго.

Великій князь большой и суровый сидѣл в нем нахмурившись, несмотря по сторонам и не отвѣчая на поклоны. Но офицера и сестру, ѣхавших ему навстрѣчу, он замѣтил. Я стояла на тротуарѣ, никакого отношенія к проѣзжавшей парѣ не имѣла, но мнѣ стало страшно: так исказилось злобой лицо князя, так страшен он стал в этой злобѣ!

Он встал в автомобиль во весь свой могучій рост и, пока пролетка с несчастными сѣдоками не скрылась из виду, он продолжал стоять, испепеляя взглядом перепуганное супружество.

Николай Николаевич недолго был в Могилевѣ. На фронтѣ дѣла шли все хуже, но вѣра, что все измѣнится к лучшему, никого не покидала. Смѣщеніе Николая Николаевича произошло внезапно. Может быть в кругах близких к Ставкѣ об этом и знали, но обыватель узнал уже готовое рѣшеніе. Николай Николаевич уѣхал так же незамѣтно, как и прибыл.

Никто не радовался, что Государь на свои плечи взвалил столь отвѣтственное и страшное дѣло. Невольно почувствовалось, что приближается какая то неслыханная катастрофа, что Государь дѣлает ошибку беря на себя такую отвѣтственность.

Сейчасъ трудно сказать, как развернулись бы